

**СКАЗКИ
НОВОГО
ВЕКА**

ДМИТРИЙ БОГУЦКИЙ

**ПОВЕСТЬ
О САМУРАЕ**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б74

Оформление серии *А. Гаретова*

Богоцкий, Дмитрий Иванович.
Б74 Повесть о самурае : роман / Дмитрий Богоцкий. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-204884-5

Захватывающий японский нуар для поклонников «Сёгуна» и «Семи самураев».

Средневековая Япония, период Эдо.

Многолетняя война завершилась долгожданным миром, но после нее самураи оказались никому не нужны. Они выброшены правительством из воинских домов и сражаются друг с другом на улицах огромного города за пропитание.

Изгнанные, преданные и одинокие на пути между убийством и самоубийством, они ищут себе хоть какое-то применение. В надежде если не спасти жизнь или сбросить честь, то хотя бы сохранить воспоминания о самих себе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204884-5

© Д. Богоцкий, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1. До заката еще есть время умереть

История о том, как одна просьба способна испортить целый день...

Незадолго до начала поры цветения магнолии ко мне явился старый позабытый приятель и умолял отрубить ему голову.

Такая просьба сразу с утра способна омрачить целый день.

В те дни Ставка сёгуна как раз отправила ревизора на пороховые мануфактуры, построенные у нас пять лет назад высшим повелением, и потому весь замок гудел от тревожных новостей. Привлечь внимание Ставки — что может быть тревожнее?

Зима только-только закончилась, проветривали комнаты и сушили соломенные тюфяки, солнце гнало из земли холод, небо было ясное, а воздух потеплел. Весна уже настала, и хотя еще не пришла благословенная пора ханами — любования цветущей вишней, но все в замковом саду словно трепетало в ожидании прекраснейшего времени года. Хотелось жить.

Но Накадзима уже пришел ко мне и просил помочь ему умереть.

Я делал указанную мне работу по саду — перекопывал грядки для скорой высадки ранних лекар-

ственных растений, там Накадзима меня и нашел, пройдя по уложенной плоскими гранитными валунами дорожке.

Я думаю, что я последний человек в замке, к которому ему стоило бы обратиться за столь ответственным делом. Оказалось, что я и был последним. Трое абсолютно верных в других обстоятельствах людей уже оставили его без ответа.

Ведь у его смерти будут последствия. Возможно, добровольному помощнику вскоре тоже прикажут умереть.

И тогда, когда ему уже было больше не к кому идти, мой уважаемый хозяин, господин главный садовник, отправил его ко мне — и я не смел проигнорировать эту рекомендацию. И моя сомнительная репутация Накадзиму не остановила: времени у него не оставалось и ему было уже все равно.

Мы не виделись лет десять с тех пор, как он пошел в гору: удачно женился, стал довольно важным человеком, построил при замке пороховую мануфактуру. Я был уверен, что он живет счастливо и безмятежно. Оказалось, нет.

У Накадзимы не осталось никого другого, кого можно было просить оказать ему помощь. Помощь в совершении сэппуку.

Накадзима был сильно младше меня и не уверен в себе. Он был из того поколения, что не застало эпохи войн, которое родилось у мирных родителей, что никогда не бывали в походе и сами успели вырастить таких же детей. Никогда не вынимали меч, чтобы убить.

Опытных людей среди его знакомых было немного.

Кажется, дед его воевал за морем в Корее, но сам он никогда не покидал замок, и, в отличие от меня, его не коснулись события на Симабара — та, последняя после лет Междоусобицы, настоящая война. Неожиданная многомесячная ожесточенная осада замка Хара, в которой мне довелось поучаствовать в пору моей беспутной молодости. И Накадзима был не уверен в своей руке и в самом себе. А умереть ему было уже необходимо.

И вот он пришел ко мне.

Разве я мог ему отказать?

Отказать старому знакомцу, собутыльнику в таком благодеянии — невозможно... И мне, несомненно, придется за это поплатиться. Но невозможно отказать человеку в искренней просьбе о помощи достойно покинуть этот мир.

Но и безнаказанным меня не оставят...

В казарме во внутреннем поселении замка, куда мы пришли из сада, обсуждать такой важный вопрос было неуместно. Постоянное движение в общем коридоре, громкие разговоры соседей-пехотинцев, чуткие уши за тонкими перегородками. Мы ушли подальше, под стену замка, в зеленеющий прошлогодней травой сухой ров, широкий, как улица, тут было безлюдно, тенисто и спокойно.

— Может быть, все не так печально, может, вам стоит дождаться высокого решения? — спросил я.

— Я знаю лучше, чем кто-то еще, Исава, — горько ответил Накадзима. — На пороховых складах не хватает селитры, я сам считал мешки. Учетные записи неверны, я трижды проверил. И я отвечу

за это. О растратах такого рода доносят в Ставку. Это серьезно ударит по всему нашему княжеству, и мою семью изгонят. А это нищета, Исава, ты же знаешь. Страшная нищета. Моя семья не выживет на улице. Я должен их защитить. Другого способа нет. Ничего другого не остается — я возьму на себя всю вину.

И это будет самая искренняя мольба о прощении, какую он может подать. И может быть, его семью пощадят...

— Я понимаю вас, — проговорил я, переводя взгляд на облака в синеве. У меня давно нет ни жены, ни детей. Возможно, я живу легче.

— Помоги мне, Исава, — попросил Накадзима.

Я молчал, белые облака громоздились в глубинах неба над серыми черепичными крышами замка.

Похоже, он не хочет дожидаться разрешения от прибывающего из столицы ревизора на самоубийство. Его могут ему и не дать. Он сам уже все решил. А это бунт, самое малое — неповиновение, выступление против высочайшего закона, вызвавшее у меня затаенное восхищение и ужас.

Дело было, конечно, не в деньгах — дело было в стыде. Просто из-за денег не стоит кончать с собой — это унижительно и некрасиво. Я ему не откажу, конечно. Я маленький человек, и меня сурово не накажут. Хотя бывают случаи, когда кайсяку, помогавшему при самоубийстве воина, лучше вспороть живот тут же, следом. Но кто действительно, кроме меня, поможет Накадзиму в этом страшно ответственном деле? Я хотя бы один раз уже был кайсяку...

— Уважаемый Накадзима, в последний раз я помогал умереть человеку очень давно. Вы должны понимать.

— Помоги мне, Исава.

— Я помогу вам. Обязательно. Но есть одно важное обстоятельство...

Я не мог ему сказать — я левша... Здесь до сих пор никто не знает. Но я знаю. Страшно унижительное обстоятельство, которое мне удачно доводилось скрывать столько лет...

И я не могу признаться Накадзиме ни в чем подобном. Что с ним тогда станется? Нет, не могу признаться.

— Сколько у нас есть времени, почтенный Накадзима?

— Очень мало. Может быть, до вечера. Утром я сделал доклад о недостатке на складах, и сейчас люди княжеского совета проверяют расходные книги, готовятся к приезду ревизора. Потом все отобедают. А потом, может быть, пойдут на склады, где я буду официально уличен в растрате. Они не спешат. Они все уже знают, я думаю. Они дают мне время на пристойный исход.

Еще и времени оставалось мало.

А сэппуку не терпит спешки. Сэппуку не терпит суеты. Помощник в этом ответственном обряде должен быть спокоен, собран и сосредоточен.

Нужно время подготовиться, обратиться к предкам за поддержкой, пройти по лезвию меча свежим гвоздичным маслом. Приличная одежда требуется опять же. А у меня ее нет. Придется просить и становиться обязанным. А как я верну? Я же никто. Младший помощник садовника. Своего дома

не нажил — в призамковой казарме живу, от выплаты до выплаты перебиваюсь с риса на просо. Придется идти просить одолжить, дать на время...

С другой стороны, медлить тоже нельзя — в любой момент мог поступить официальный запрет на любую помощь, любое участие в этом деле, и тогда Накадзима останется совсем один.

— Как же так вышло, друг Накадзима? — произнес я.

— Не спрашивай, Исава. Не стоит.

— Я был уверен, что у тебя все хорошо.

Его лицо исказилось.

— Одна недостача, видно, потянула за собой другую. Кто-то умолчал, кто-то не заметил, а я потопил все окончательно сам, когда затеял это дело с фейерверками для столичного праздника. Оказалось, что мы даже половины необходимого не можем изготовить. Ни запасов, ни средств. И вот эта проверка так не вовремя... Больше я ничего не могу сделать, Исава.

Я видел отчаявшегося человека и понимал, что он, несомненно, покрывал кого-то. Кого-то, кто держал благосостояние его семьи на вытянутой руке. Он знал, кто это. Он понимал, я думаю, что шел по единственному коридору к последнему выходу, оставленному для него. И он шел к этому выходу.

— Я помогу тебе, друг Накадзима. Я помогу тебе...

— Я так благодарен!

— Где? — спросил я.

— У меня дома. В моем саду.

— Когда?

— Сможешь ли ты быть к вечерней страже?

Я смотрел на него. Внимательно смотрел. Человек, отмеривший себе еще полдня жизни ради благопристойности... Мне показалось, он вот-вот заплачет.

— Я поговорю с господином старшим садовником, и он меня отпустит, — сказал я ему. — Я на очень хорошем счету. Я приду, Накадзима.

— Я буду ждать тебя.

И он ушел. Готовиться.

Я смотрел ему в спину и едва сдерживал крик. Самое ужасное в этой истории то, что, похоже, я знаю, куда делась селитра с его складов. Я знаю, что Накадзима не виновен. Ведь я сам участвовал во всем этом.

* * *

Старший садовник внимательно выслушал меня.

— Мой господин, — произнес я, опустившись на колени в поклоне, — моя просьба совершенно неуместна в такой момент, но, прошу вас, отпустите меня сегодня.

Старший садовник молча бросил на меня задумчивый взгляд. Он сидел за низеньким столиком в павильоне, предназначенном для ухода за Восточным садом, тут хранились инструменты и семена, перед ним на столе был разложен свиток с древним китайским трактатом по устройству садов, который он читал в оригинале. Я-то в этом тексте понимал только отдельные знаки.

— Похоже, — произнес он, глядя на деревья за моей спиной, — этот сад мы так и не за-

кончим. А мы ведь едва начали. Я знаю, он тебе не нравится...

Я мог, лишь извиняясь, поклониться ему — так все и было. С некоторых пор, а именно с того момента, как мотыги слуг разворотили и сровняли насыпанный мной сухой сад, работа садовника меня не вдохновляла. Возведенный за год на его месте Восточный сад был совершенно каноничен, строг и совершенно безжизненен. Но назначение свое выполнял, защищая замок от тлетворных эманаций с востока.

— Ты согласился ему помочь, Исава, — заметил господин старший садовник.

Вот так, без посторонних, он позволял себе говорить со мной без изысков, почти как встарь, когда мы были на войне.

— Это так, господин старший садовник.

Это действительно так. Затем ведь вы и послали Накадзиму ко мне.

— Потому я и послал его к тебе, — задумчиво добавил господин старший садовник. — Мы не можем оставить его один на один с таким позором. Его дед был славным воином, я его знал. И хотя он уже много лет не с нами, мы не оставим его внука.

Даже мне понятно, что сейчас очень неподходящее время для этих событий. В замке Какэгава нет хозяина. Господин князь по старости лет безвозвратно обитает в Эдо под присмотром сёгуна, пытаясь выполнить условие наследования с очередной молодой женой и дать княжеству наследника, но пока дело не складывается, и здесь его уже несколько лет как не видали.

В замке оставлен наместник. Первый заместитель Като. И это расколело замок почти пополам.

Они зовут нас Престарелые вояки, или просто Старичье. Мы зовем их Лизоблюдами. Или, вежливей, Позолоченной молодежи. Они возглавляют почти все замковые службы, и Накадзима давно оказался в их власти. А мы держимся там, где оказались стечением обстоятельств. Наши сторонники умирают от старости один за другим, а их становится больше год от года.

— Накадзима ходил на прием к первому заместителю, — произнес господин старший садовник. — Просил о расследовании. А тот рекомендовал ему заточить меч и поступить сообразно. Защитить княжескую честь. Или с ним и семьей его поступят как с ворами.

— Господин мой! — вырвалось у меня. — Он не вор, вы же знаете. И вы же отказали в помощи... тем людям.

— Мы отказали, — согласился он. — Но на складе обнаружилась недостача. Значит ли это, что... тем людям помог кто-то еще? Через голову Накадзимы? Мы чего-то не знаем...

Господин старший садовник задумчиво бросил взгляд в туманную даль за деревьями сада у меня за спиной.

— Накадзима всегда был недалек, — произнес он. — Хорош на своем месте, но слаб в подсчетах и руководстве. Он кому-то доверился. И теперь поплатится за это. Идеальная жертва...

— Господин, я могу расспросить его!

— Он ничего тебе не скажет. Ты же понимаешь, чем он рискует? Понимаешь? Хорошо. Вот, возьми. Получи по этой накладной на складе новую одежду вне срока, ты должен выглядеть подобаю-

ще. И сделай все так, как ты умеешь. Мы надеемся на тебя.

— Да, господин.

Что я еще мог ему сказать?

А день начинался так хорошо...

* * *

Вообще, конечно, я должен сам был приобрести одежду для столь ответственного дела, но господин старший садовник знал о моих затруднениях. Того несчастного мешка риса на год, что тратило княжество на мою должность, не хватало вообще ни на что. С тех пор как воинов указом сёгуна Токугава Иэцуна, четвертого из этого дома, перевели с земельного кормления на рисовый паек, все мы необратимо беднели. Просто мне-то терять было вовсе нечего.

Жил я в казарме пехотинцев в замке. Одежду мне, как работающему на земле, выдавали раз в полгода. Что-то удавалось выручить, сдавая эту одежду старьевщику.

На работе меня милостиво кормил господин старший садовник, делил со мной трапезу, это была моя самая сытная еда за день.

Обычным моим уделом был пустой рис. Да, я ел собственный паек, в отличие от остальных, менявших избыток риса на рыбу, соевый соус и sake. Большая семья могла распорядиться пайками нескольких воинов и свое хозяйство еще вести, иная хорошая жена стоила целого такого пайка или даже двух, но я давно одинок, мой дом — стены сада, мои родственники — воины, ставшие садовниками.

И конечно, я был благодарен за эту внеурочную выдачу одежды, на которую старший садовник имел право, исходя из износа оной у его помощников.

Тропинка к казарме, где у меня было место, вела мимо здания Главного склада, громоздившегося под галереей внутренней стены замка, и я, мгновение поразмыслив, свернул к нему с намерением получить новую одежду тот же час.

Я предъявил привратнику на входе накладную, и тот пропустил меня внутрь. Внутри после зимы оказалось зябко. Тепло снаружи еще не наполнило огромный склад. Складской приказчик звонко чихал, кланяясь и принимая накладную у меня из рук.

— Тебе бы выпить чего горячего, — посоветовал я бедолаге. — А то и в баню сходить, погреться. Сляжешь так.

— Благодарю, господин Исава, так и сделаю сразу же, как смогу. — Приказчик скрылся среди уходящих в полутьму склада бамбуковых полок и вскоре вернулся с пачкой плотно перевязанной бумаги. Внутри упаковки — предназначенная мне одежда.

Судя по размашистой надписи на бумаге, одежда эта предназначалась участнику церемонии сэппуку.

Я медленно поднял взгляд на приказчика, тот довольно улыбнулся.

— Вам же такая одежда нужна? — чуть обеспокоившись моим угрюмым молчанием, уточнил он.

— Да, — не сразу ответил я.

Он уже знал...

Я взял упаковку с одеждой в руки, вздохнул, огляделся. Заметил в углу склада соломенные меш-